

© 2018 г.

П.А. РЕБУГИНИ

КРИТИЧЕСКАЯ АГЕНТНОСТЬ И БУДУЩЕЕ КРИТИКИ

РЕБУГИНИ Паола Алессандра – профессор социологии Миланского государственного университета, Милан, Италия (paola.rebughini@unimi.it).

Аннотация. Цель статьи – картографировать нынешние дебаты о критической агентности, начав с внутренней амбивалентности современных представлений о критике как стойком отрицании и утверждении творения новых практик. Статья обсуждает двуликую природу критики (*critique*) и ее интерпретаций европейской традицией критической мысли. Также предложена рефлексия альтернативных путей концептуализации критической агентности, предлагаемых теориями американского прагматизма, антиевропоцентризма и антиантропоцентризма. Цель этих изысканий – понять предпосылки разработки критической агентности в эпоху, когда критика более не может быть инструментом лишь разоблачения, когда мы не отказались еще от стремления связать контингентность ситуативных критических агентностей с неким видением образа будущего.

Ключевые слова: критическая агентность • критическая мысль • критика (*critique*) • будущее • воображение

DOI: 10.31857/S013216250002781-2

Введение. Статья обсуждает трансформацию критики и критической агентности в современных обществах с их концентрацией на настоящем, на контингентности, на ситуативных решениях структурных проблем. Хотя сомнительное понятие агентности обычно концептуализируется как способность субъекта действовать автономно, критическая агентность может рассматриваться как более сфокусированный вариант, связанный с интерпретацией такой агентности, как «критической», то есть, способной быть одновременно диссидентской и новаторской, ориентированной против и за пределы того, что считается несправедливым, неравным, неприемлемым.

В социальных науках интерпретация критической агентности неизбежно связана с концептуализацией «критики» как теоретического инструмента. Следовательно, это понятие сопровождается полисемичная путаница, простирающаяся от здравого смысла и повседневных форм критики до критического анализа литературы и теоретической проработки современной «критической теории». С учетом невозможности дать бесспорно универсальный ответ на вопросы «критика чего?», «критика кого?», что является «критическим», а что нет, понятие критики (*critique*) стало одним из многих неоднозначных терминов социологических дискуссий. Оно ассоциируется с разными формами критической агентности в разных контекстах с разными акторами и мотивациями. Смазывание ясности о том, что можно считать критической агентностью, подкреплено нынешним отсутствием

идентифицируемых «исторических субъектов» критики, а также сценариями многих критических инициатив, связанных с конкретными ситуациями протеста, культурами, субъектностями, иногда слабо и точечно связанными в сети общего знания, общих ключевых слов и символов, как в случае социальных движений [Melucci, 1996]. То есть, социальные трансформации смыслов и практик критической агентности отражены в трансформации понятия критика в социальных науках [Boltanski, Fraser, 2014].

В современной мысли Запада, от *sapere aude* (лат. – дерзай знать) до смелости Фуко говорить правду, критическая агентность понималась как главным образом некое свойство человеческого субъекта, некий акт саморефлексии, *parrhesia*, – способность дистанцироваться от того, что считается господствующим, от конформизма, уступок. Критическая агентность возможна потому, что субъект может поставить себя за пределы объективизации, производной от «господства», может вообразить альтернативы. Сомнения в одной реальности и проект иной – результат способности индивида быть «субъектом». Эта традиция связывает критику с автономией и волей субъекта к знанию. Для критики нужна информация, а операция по разоблачению господства связана со знанием, нужным для его распознавания. Однако в постиндустриальном «коммуникационном обществе», подобном нашему, комплексность знания, нужного для идентификации и раскрытия механизмов доминирования, например, связанных с процессами в экономике и технике, неподвластна одному субъекту. Следовательно, информированная критика возможна только по контекстуальным и конкретным целям. Полиморфная и текучая природа современной критической агентности, возможно, связана и со специализацией знания, требуемого для производства форм критики.

В терминах марксизма критическую агентность понимают как некий праксис, как возможность, созданную «историческим субъектом» – рабочий класс, проклятием заклеянный, исключенный, как агрегат этих субъективностей, но и как возможность, рожденную имманентными внутренними противоречиями, к примеру – политической экономии. В гегелевско-марксовской традиции критика связана и с диалектикой и с финальным синтезом в универсальной тотальности: невозможно отрицать и разоблачать господство, если нет идеала, который мы можем противопоставить нынешней ситуации. Сегодня, в свете социальных сложностей, культурного плюрализма и коммуникативно-технических механизмов, примирение в последнем снятии (*Aufhebung*) представляется невозможным, особенно в плане связи такой тотальности с утопическим проектом или с политикой государственного синтеза. Отсюда, повторю, имманентные противоречия, подпитывающие критику, можно понять только в связи с конкретными контекстами и ситуациями.

В исторических условиях, где доминируют настоящее и контингентность, другой элемент критической агентности – связанный с воображением субъектов и их способностью обновлять, производить новое через практики, обходить, а не разоблачать, ограничения и механизмы контроля – по-видимому, беспрецедентно важен. Тактика воображения становится ресурсом планирования перемен в той же мере, что и создание новых форм ситуативного и контекстуального сопротивления. Нынешняя историческая ситуация указывает на стойкую амбивалентность, характеризующую двоякую природу критики: одна критика развивается изнутри, от внутренних противоречий контекстуальных социальных процессов, связанная с принципом диалектики, другая критика идет извне, из внешнего проекта, который еще нужно вообразить и который не реализован. Одну критику генерирует субъект, способный отрицать, сопротивляться и отвергать во имя абстрактного идеала. Другая критика растет из воображения субъекта, поиска нового, креативной ситуативной связи с окружением.

Неслучайно в последнее время теоретические подходы, независимые от канона Канта-Гегеля-Маркса, не смогли осветить новые пути критической агентности. Оживление интереса к американскому прагматизму подсказало необходимость соединять критическую агентность с решением проблем. Критика европоцентризма, постколониальные исследования и глобальная история, критика антропоцентризма со стороны исследователей

науки и техники, энвиронментализма, постгуманитарных исследований возвышает идею критической агентности, не связанную только с саморефлексивной способностью субъекта противопоставить себя объективированной реальности, продвигая представление о критике, которая больше связана со *связями*, не с *оппозициями*, как возможность обновлять и преобразовывать.

Цель моей статьи – предложить опыт картографирования нынешних дебатов о критической агентности в свете внутренней противоречивости современного понимания критики как сопротивления господству (доминированию), утверждающей создание новых практик. В первой части я анализирую две тесно связанные стороны критики как теоретического инструмента современной европейской мысли. Во второй части предложена рефлексия альтернативных путей концептуализации критической агентности, разработанной прежде всего американским прагматизмом, антиевропоцентризмом и антиантропоцентризмом. В заключении я показываю, что мое исследование теории может высветить характеристики критической агентности в такое время, когда она не может быть только инструментом разоблачения. Речь идет о преодолении разрозненных дуалистичных концептуализаций критики в ожидании возникновения связи современной контингентности ситуативных критических агентностей с неопределенной идеей будущего. Аналитическое исследование концепта критики может содействовать пониманию предпосылок развития критической агентности в нынешних исторических условиях как приверженности формам живой демократии.

Противоречие между «негативной» и «утверждающей» критикой. В современной западной мысли понятие критики характеризуется двумя взаимодополняющими сторонами. В центре внимания одной – «отрицание» реальности, понятой как поле потенциальных отношений доминирования (господства), ложное сознание, реификация, которые должны быть отвергнуты и разоблачены. Другая больше занята поиском альтернатив такой реальности, способности вообразить и проектировать новое. И если акцент на отрицании пытается установить, почему критика может привести к новой освободительной реальности, акцент на утверждении – это попытка показать, как сложность и непредсказуемость реальности толкает воображение к тому, чтобы предлагать новые решения общих потребностей.

Конечно, приверженность к пересборке внутренних противоречий критики не нова. Ее можно считать частью большинства идей критики в современном знании. Например, ученые, настойчиво строившие свой анализ на саморефлексии критического субъекта, имплицитно пытались изучать потенциал воображения как сопротивляющейся критики. Это присутствует у Ж.-П. Сартра [1972 (1940)], в социологической мысли А. Турена [1993]. «Мыслить по-другому», воображать и делать что-то, чего еще нет и что никогда не делалось ранее, означает оппозицию имитации, рутине, конформизму, воспроизводству и привычке, а поэтому и господству, и самоцензуре.

Специфичное соотношение между отрицанием и утверждением также учитывалось в каноне Гегеля и Маркса, выражаясь в идее «имманентной критики». В диалектической интерпретации «новое» возникало изнутри самой структуры реальности, а именно – ее противоречий. Но если понятие критики у Гегеля и Маркса прежде всего строится на отрицании уже сущего, на некой рациональной и фундаментальной точке зрения, подходы, более настаивающие на воображении и эмоциях (прагматизм) – строятся на антифундаментальном и рефлексивном подходе, где опыт и контингентность образуют подвижную временную точку зрения критической агентности. В этом случае утверждающий характер критики связан с производством новаторских действий, с практическим и эмоциональным трудом над тем, что «могло бы быть»; критическая агентность вытекает из повседневных действий, как никогда не прерывающаяся подгонка абстрактного ценностно-нормативного горизонта. Напротив, в терминах Гегеля-Маркса – где негативная критика проистекает больше всего из необходимости дистанцироваться от данного – такая нестабильность и разнородность, «обучение делом» считаются антиполитикой, неспособной отрицать

реифицированные отношения власти или создать критерии суждений. Отсюда в большинстве интерпретаций Гегеля и Маркса воображение сводится к иррациональности, не к нашим отношениям с непредсказуемым реальным.

Десятилетия после Второй мировой войны и переход к постиндустриальным и сервисным обществам демонстрируют отделение критики от универсалистских точек зрения, из которых и следовало разоблачение господства. Это поставило под вопрос концепцию критики как прежде всего момента разрыва, отрицания того, «что есть» – когда-то описанных молодым Марксом как беспощадная критика всего сущего. Но пренебрежение возможным, дополняющими и воображаемыми сторонами критики усугублено известным нигилистским поворотом критической мысли. Большинство ученых, сторонников этой линии, не доверяли культурному производству, которое они считали сферой, погрязшей в процессах господства посредством эмоциональных и воображаемых ловушек. От Г. Маркузе [1964] до Л. Болтански [Boltanski, 2011; Boltanski, Chiapello, 2005 (1999)] исследования критиков часто недооценивали то, как акцент на различии, творчестве и субъективном опыте постепенно подрывал силу критики, содействуя присвоению потенциала человека, движимой страстями культуры потребления, или преобразуя самокритику в орудие самоцензуры.

Более того, кризис модели критики, основанной исключительно на логике разоблачения, трудности создания мысли об утверждающей воображением критике – результат разных факторов. Контрпродуктивная радикализация негативной диалектики была подкреплена миграцией Франкфуртской школы в США, которая сосредоточилась на реификации и радикальной критике культуры [Jay, 1973], препятствуя рефлексии творческой части критического агентства. К тому же все более важные теоретические волны, враждебные идеалистическим, субъективистским подходам к критике, сделали исследование ее своей главной целью. С одной стороны, то, что Р. Рорти [1967] назвал «лингвистическим поворотом», было взглядом за пределы традиций европейского континента на американский прагматизм и аналитическую философию. Эта тенденция также затронула таких ученых, как Хабермас [1984; 1988], выросший на традиции Франкфуртской школы. Концептуализация критики более не связывалась с эпистемным разоблачительным «разрывом» с идеологией и когнитивным господством, скорее – с ситуативными и сфокусированными практиками, с межсубъектными отношениями и способностью оправдать чье-то поведение. Франция после мая 1968 г. поддержала антиидеалистический и антидиалектический поворот постструктурализма, деконструктивизма и постмодернизма с их акцентом на «различии». Как утверждал Фуко [1994: 67], «чтобы высвободить различие, нам нужна мысль без противоречий, без диалектики, без отрицания». В этом случае критика более не является борьбой против мистификации и форм манипуляции, правда перестает быть доступной с некой привилегированной позиции. Скорее критика коренится в амбивалентных процессах субъективации. Это более плюралистичная и ситуативная концептуализация критики становится контекстуализованным моментом отрицания, оставив в стороне идею централизованного конфликта и некоего самопрозрачного критического актора [Descombes, 2004]. Но и это не попытка исследования воображающей стороны критической агентности.

В постмайской Франции 1968 г. антидиалектический и антисубъективистский подходы имплицитно проложили дорогу обсуждению, более благоприятному для «креативной» стороны критики, уводя ее от целей сугубо разоблачительных. К примеру, оригинальные добавления к марксистскому подходу были предложены К. Касториадисом [1986 (1978); 1987 (1975)]. Это свидетельства интеллектуального климата, в котором ученые более заинтересованы в исследовании потенциала воображения, как некой поддержке критической установки. Ближе к сегодняшнему дню антидиалектический и антинормативный подходы позволили выработать взгляды, в которых критика проистекает не из деления субъект/объект, а скорее из их связей – как это было с воскрешением интерпретаций Делёза. Если критическая агентность не может проистекать из до-социальной аутентичности

и внутреннего источника субъективной самопрозрачности, она более не может связываться исключительно с отрицанием объективированного мира.

Итак, если у истоков современной критической мысли (канон Канта, Гегеля, Маркса) – две стороны критики (отрицающая и утверждающая) еще считались потенциально взаимодополняющими, в развитии критических подходов XX в. их двоичность воспринималась более как разрыв между, с одной стороны, негативистской «сверхкритикой» современности [Kilminster, 2013], с другой – ностальгией по утверждающей способности воображения.

Критика как отрицание. Понятая как момент отрицания того, «что есть», критическая агентность проистекает из отрицания приспособления. Она основана на возможности разоблачать истоки и структуры господства и на знании механизмов строя общества. Антиадаптивная критика – это всегда критика чего-то, отделенного от себя самого. Она основана на принципе конфликта, диалектики, не на герменевтике подозрения, скептицизме и разочаровании. Такое видение было центром критической агентности индустриальных обществ, необходимой для изображения и фреймирования классового конфликта, разоблачения вертикали иерархической структуры обществ в то время, когда борьба за демократию и социальную справедливость формировала консолидацию национальных государств [Žižek, 1993]. Эта интерпретация также была центральной во время, когда гражданин(-ка) самоутверждался(-ась) как независимый автономный субъект в отношениях с государством и его институтами [Balibar, 2011].

С одной стороны, герменевтика подозрения может разоблачать иллюзию сознательности и само-прозрачности современного субъекта. Классовая борьба может раскрыть идеологию и интересы господствующих, а критика современности может раскрыть амбивалентную природу рациональности, прогресса и цивилизации. С другой стороны, диалектический подход высветил нестабильность общества, воспринимаемого как непрерывные конфликты, интересубъективные столкновения, поиск признания как отказ от реификации [Nonnet, 2006]. Здесь критика – саморефлексивный непрерывный поиск возможных соучастий во власти, со здравым смыслом и самоочевидным интересом в статус-кво. Она должна сопротивляться господству, но и самой себе, быть бдительной в отношении к настоящему, не только критичной к уже случившемуся [Felski, 2015]. Поскольку критика имманентна, она генерируется исторической контингентностью и обусловлена заданным контекстом. Эта обусловленность преодолима лишь способностью непрерывно отрицать, сопротивляться и отказываться. Но способность раскрывать ложное сознание имеет тенденцию быть связанной с «внешним» интеллектуальным знанием – по контрасту с компетенциями; они могут возникнуть на базе здравого смысла и повседневности.

Скептицизм и отстраненность в отношении к естественному и самоочевидному порядку вещей (или в отношении действия, слепого к самому себе потому, что само тоже коренится в повседневном здравом смысле [Bourdieu, 1990]) – имплицитно вызывают чувство осуждения и нормативного горизонта, что открыто признавал Хабермас [Хабермас, 2001]. Критике нужна валидность, выходящая за пределы конкретной ситуации. Критическая агентность не может быть укоренена в не-социальном, в некоей некоррумпированной натуре субъекта. Ей нужен идеалистический план. Поэтому Хабермас, пытаясь преодолеть негативную диалектику Франкфуртской критической теории, соединив ее с прагматизмом и лингвистическим поворотом, не может избежать приоритета нормативных идеалов «хорошего общества», давая ответ на мотивационные и оправдательные проблемы критики. Критика как антиадаптивный момент предполагает некое суждение и некую способность предлагать какую-то цель.

Тем не менее критика как отрицание не обязательно имеет нормативное основание. Ее может породить дух чистой антиавторитарности. Она может пытаться быть самодостаточной, не заинтересованной в разрешении конфликта, поддерживаться неразрешимым антагонизмом [Mouffe, 2005]. Таков подход Фуко, отстаиваемый им в его антиидеалистической и генеалогической интерпретации критики, частично порожденной

его неоднозначной встречей с Кантом и Франкфуртской школой [Foucault, 1997a, 1997b]. В подходе Фуко неуправляемость критики возникает на полях общества главным образом «извне», от исключенных, незнакомых с властью. Но для Фуко и Адорно способность танцевать от господства также негативна, так как никто не может полностью защитить себя от внешних и самоконститутивных детерминаций. К субъективизации должно подходить практикой; но свобода от господства задвинута в некое метафизическое «где-то там» за пределы истории, за пределы самой себя.

Имплицитно Фуко не избегает кантовского вопроса о «зрелости» субъекта: как и для Канта, для Фуко критика – вопрос смелости и благородства. Заявляя, что субъект, а не власть, всегда были его главной заботой [Foucault, 1982: 777], Фуко демонстрирует связь с философской традицией, в которой критика может проистекать только из субъективной отстраненности от власти. Субъект невозможен вне процесса субъективации. Эмансипация всегда контингентна, основана на себе, укоренена в воплощаемых практиках, в материальных и ситуационных измерениях. Но т.к. сама субъективация это процесс, укорененный во власти, негативное движение возможно в отношении самого(ой) себя, делая критику возможной и убедительной. Генеалогические изыскания могут высветить следы власти и показать, как она укоренена в практиках. Критика становится скорее делом бдительности, чем интроспекцией.

Но поскольку неолиберальная парадигма основана на сочетании строгой и производительной логик, то есть на производстве воплощенного самоуправления, критика – это не только действие «против» (идеологий, институтов, политических режимов), но и акция, работа «с» её антагонистами и «внутри них», прежде всего внутри самого субъекта [Foucault, 2005]. Интуиция Фуко по поводу двоякой природы субъективации – конститутивной и оппонирующей господству в одно и то же время – это путь исследователя к игнорированию идеи о том, что за пределами критики как отрицания и отказа есть лишь сдача в плен, не креативный критический труд, производный от самого господства. Так как критика рождена в ситуации господства, она не оппонирует ему радикально, не выступает простой адаптационной стратегией. Суждения Фуко о возможности быть одновременно и «с» и «против» также подсказывает, что креативный момент критики остается «имманентным», связан с ситуацией господства и не нуждается во взгляде извне.

Суммируя: ученые, считающиеся отцами-основателями современных критических подходов, занимались вопросом критики в основном как антиадаптивным моментом отрицания, хотя интерпретировали это по-разному. Адорно отсылает к негативной диалектике; Бурдьё доверяет эпистемному разрыву социологического знания; Хабермас ведет поиск в коммуникативном синтезе лучшего аргумента; Фуко видит субъективацию как нескончаемую борьбу с властью. Самые последние попытки взглянуть за пределы сферы разоблачительной критики ([Boltanski, 2011], который в сущности интегрирует разные подходы: прагматизм, исследования организаций, исследования науки и техники) – сохранили важные связи с отрицанием процесса нормализации, описываемой как «сущность чего это что» («whatness of what is») [Boltanski, 2001: 75].

Корреспондирование критики с отрицанием – критическая точка. У нее есть дополняющая сторона – поиск некоего искупления. Это выражено в современных проектах утопий, в вере в способности субъекта преобразовать себя и контекст. Этим подчеркнуто, что вне логики негативной критики есть не только некритические установки уступить господству, но и возможность мыслить и практиковать «новое».

Критика как утверждение. В современной европейской критической мысли поиск нового выражен главным образом в форме проектов утопий, как планов будущей эмансипации. Анализируя современность, Р. Козеллек [Kozellek, 1988 (1959)] показал, как Просвещение, с одной стороны, секуляризирует пророчества искупления, с другой – настаивает на критической агентности как «исторической диспозиции» открытости к иному, к факту, что случающееся может быть иным. В некоем антидетерминистском видении реальности, критика связана с появлением возможного, с непостоянным меняющимся

состоянием кризиса. Значит критическая агентность может вносить перемены и неуверенность, производить «критические» ситуации и в то же время новое, инновации.

Чувствительность к этой интерпретации критики есть признание того, что такая агентность может возникнуть в ситуации кризиса, требуя необходимости помыслить новое. Это очевидно у поколения немецких ученых, бежавших от преследований нацистов: К. Мангейм [1954 (1929)], Э. Блок [1995 (1938-1947)], В. Беньямин [1968], Х. Арендт [1958]. Несмотря на разное отношение к марксизму, все они рефлексировали утопический критицизм и необходимость вообразить новое во тьме времени истории. Связанные общей судьбой поколения, от агонии Веймарской республики до бегства, идея Арендт о «начале», «принцип надежды» Блоха, «ждать искупления» Беньямина по-разному высвечивает референтность возможного, хотя трудиться им приходится в атмосфере поражения и «левой меланхолии», как писал Беньямин. Они ищут что-то «за пределами», способное быть креативным критическим ресурсом понимания характера времени и своего стремления к освобождению. Не ограничивая критику сопротивлением против статус-кво, материальных и символических форм господства, они советуют уделять внимание тому, что «еще не», «осмелиться за пределы», тому, что может быть иным и преодолевающим внешнее во время, когда фронтальная борьба, кажется, невозможна. Для Мангейма [1954 (1929)] утопия – центральная проблема социологии знания, характерный элемент современного способа сомневаться в настоящем, вырабатывая некую антиреалистичную установку. В этом плане отрицание реальности – это не отвержение, чистый акт сопротивления, но поиск альтернативы знать и действовать; подход к критике настоящего, которое все же затрагивает современных ученых, работающих с тем, что осталось от утопического духа в современных обществах [Buck-Morss, 2002; Thompson, Žižek, 2013].

Конечно, вопреки своей заинтересованности в более утверждающей стороне критики, намерения этого поколения ученых позиционированы по-разному. Беньямин [1968] подчеркивал ожидание нового с мессианскими тонами, акцентируя «внешнюю» трансцендентную природу критики, которая может произвести искупление от насилия, господства и трагедий настоящего. Арендт, напротив, верна кантовскому интересу к субъективной «жизни ума» в своем анализе того, что может произвести критику настоящего посредством эмансипационной новизны. Более того, у этого поколения позиция Арендт была на верное наименее метафизична и наиболее сориентирована на позитивную идею власти, которая может поддерживать более утверждающую версию критики. Арендт настаивала на власти «действующих в концерте» в плане способности мыслить и воображать новое, проекта «хорошей жизни». Власть связана с действием, участием, общими заботами, с «любовью мира», не с господством. Поэтому позиция Арендт может считаться альтернативой герменевтике подозрения, характерной для критики как негативной диалектики [Young-Brubel, 1982]. Новизна по определению относительный концепт. Но Арендт видит его в основном как фундаментальный потенциал изменчивости, впрыснутой в мир с действием. Социальные перемены генерируются действиями людей, их непредсказуемостью, прерыванием рутины и правил, созданием ситуаций кризиса как возможности генерировать критику. Это предложение коренится в феноменологической концептуализации Арендт действия как альтернативы чисто идеалистическому подходу [Арендт, 1978]. Действие связано не со свободой воли субъекта в противостоянии господству, но с коллективным результатом, проистекающим из общечеловеческих условий. Подчеркивая, что «мы не рождены, чтобы умирать, но начинать» [Арендт, 1958: 246], она сосредоточивается на политической агентности как типично человеческом выражении действия, отличном от действия чистого выживания и от материальных артефактов (*homo faber* – «человека действующего») [Арендт, 1958]. Она прослеживает этимологию глагола «действовать» (*to act – archein*), подчеркивая связующее звено между действием и созданием нового: если действие – всегда трансформация, критическое действие, прежде всего, связано с материальным действием в обычном мире и с возможностью «двигаться» (от лат. *agere*) прочь от повседневной рутины и габитуса.

Дистанцируясь от современного *hubris*¹, Арендт ближе американскому прагматизму во взгляде на критическое значение действия как продукта человеческой интеракции в текущей ситуации, как динамичного процесса. Здесь критика как инновация одновременно и феноменологична: *vita active* – это поле, где она может развиваться, и воображаема, будучи связана с возможностью вообразить себя вне контекста, габитуса и его истин. Сегодня и интерес к наследию Арендт, и «прагматический поворот» части нынешней социальной науки соотносимы с интересом к практикам и повседневной жизни как полю производства нового, где новое не абстрактный *telos*, а конкретное предприятие, существующее в становлении агентства и в его критическом потенциале.

Критика и ситуативность действия. Как и современная европейская мысль, американский прагматизм также втянут в споры о дуализме объект/субъект. Но не считая это отношениями противостояния, где субъект и объект должны сопротивляться объектификации, подходы прагматизма выбрали интерпретацию в терминах восприятия реальности и креативной реакции на социальное и материальное окружение [Joas, 1994]. Так как субъект и объект радикально не разделены, нельзя призывать к интроспекции или ссылаться на идею о знании как конкретной репрезентации мира [Rorty, 1979]. Реальность не мыслится как искаженная идеология. Природа истины не трансцендентна. Отношения с реальностью через действия включают плюрализм и неуверенность, относимую к контекстам и их переживаемым элементам. Более того. Главное наследие классиков прагматизма – У. Джеймс, Дж. Дьюи, Дж. Г. Мид – это его установка на «решение проблем», что может быть некой формой критической агентности, мотивируемой тем, что воспринимается как «критическая» ситуация, которая должна быть разрешена [Holmwood, 2011].

Эпистемологическая база этой установки такова: все ситуации считаются потенциально непредсказуемыми и всегда вовлеченными в контингентные перемены. Хотя подход в терминах решения проблемы считался – см. замечания Дюркгейма [1983 (1955)] о Джемсе и Дьюи – одной из форм утилитаризма, другая мысль: прагматизм развивается вокруг «проблемы порядка», – высвечивает иную идею критики этого порядка. Критическая агентность может быть связана с креативностью поиска инновационных решений, не с отвержением данного социального порядка и оппозицией к нему [Dewey, 1973 (1922)]. Соответственно критическая агентность растет из ситуаций критики, не из внешних абстрактных идей освобождения; она вырастает из устоявшейся веры – связанной, например, с чувством несправедливости – больше, чем из ложного сознания.

Критическая агентность генерируется связями индивидов и событий, воображения и возможностей, не разоблачением. Нельзя выработать некую критику, оторванную от контекста ситуаций, коренящихся в абсолютно атемпоральных или акультурных принципах [Bernstien, 2010; Joas, 1994; West, 1989]. Отсюда именно из конкретных практик и проблем становится возможным символический и материальный разрыв с привычками и рутинами. Он состоит в понимании того, как и до какой степени акторы способны реализовать на практике конкретные ситуативные формы критики. Это связано с суверенностью, с ясным видением своих целей – вопреки логике просто пользы, инструментальности.

Очевидно, заметил Чарльз Райт Миллз [1966], отсутствие интереса у отцов-основателей к прагматизму в плане власти, подводил их к концептуализации критики как инструмента установок на реформы, сфокусированных на настоящем и неспособном учесть исторические сценарии. Эта версия критики сконцентрирована на способах и процессах управления нашими связями с миром, не на желании разоблачать скрытые механизмы господства. Подход прагматиков сосредоточен на идее агентства как креативного решения проблем. Он избегает определять эти проблемы в терминах политики. Концептуализация в терминах «проблем» подменила концепцию в терминах «властных отношений» Для таких ученых как Дьюи и Мид, действие идеологично само по себе, вне отношения к целям, установленным заранее – таким как утопии хорошего общества. Установка на

¹ Высокомерие (англ.). – Прим. перев.

цель действия – результат ситуационного процесса, специфики контекста отношений, возможностей, сдержек, моральных ориентаций. Критическая агентность, как особая форма действия, это то, что личность исполняет в своем опыте, эмпирическом знании без норм предварительных условий и оправданий. Она больше связана с открытием, чем с отрицанием. Дело в том, чтобы показать, *как* критика работает, а не в том, что критика должна продвигать как «хорошее». Критическая агентность всегда трансформация, связанная с ситуацией неопределенности. Следовательно, она ситуативна и используется. Это не выражение эпистемного разрыва философов или социологов, а способность, корни которой в доксе (*doxa*).

Такое недоверие «интеллектуального» подхода к критике, вероятно, – следствие исторической позиции прагматизма как «американского ухода от философии» [West, 1989]. Более того, отцы-основатели прагматизма нуждались в способе найти альтернативу поучающим представлениям о модерне, утонувшим вместе с Гражданской войной (в США. – *Прим. перев.*). Повторное открытие прагматизма современной социологией тоже как-то связано с реакцией на развал великих нарративов о модерне. Не случайно прагматизм воскресает тогда, когда в конце эры индустриального общества и холодной войны трудности более полной, историчной и системной идеи критики привлекают внимание к ситуативным и обусловленным аспектам критической агентности, совместимой с наличием плюралистских критических версий, коренящихся в повседневной жизни, где каждый актер может привести в действие «критические возможности», локально интерпретируя более общие нормативные референты. Интересно и то, что после 1970-х, после долгого периода недоверия, американский прагматизм заново открыли сначала немецкие ученые – Хабермас, Апель, Хоннет, Иоас, толковавшие его как теоретическую перспективу, способную воскресить демократические цели европейских теорий критики [Habermas, 1986]. То есть, возрождение интереса к прагматизму, кажется, генерировали установка на неразборчивость неолиберального капитализма и утрата исторически радикальных альтернатив. Постоянно обновляемая, ситуативная и «актуальная» критика, кажется, стала лучшим ответом на коммодификацию культур критики, на быстрые социальные перемены. За этим последовала утрата понятного всем горизонта освобождения.

Критика современной критики: связи против оппозиций. Канон критической мысли Канта, Гегеля, Маркса и их многих интерпретаторов в XX в. открыто говорил о европейских корнях критики. Основа этой точки зрения – принцип дуализма: субъект/объект, господствующий/угнетенный, включенный/исключенный, критика изнутри и критика извне. Попытка превзойти и эти европоцентристские и дуалистские перспективы произвела на свет «некую критику современной критики», в основном разрабатываемую в последние десятилетия, с одной стороны, постколониальными и глобально-историческими исследованиями, с другой – постантропоцентристским поворотом в социальных науках. Несмотря на внутренние различия и оттенки, оба подхода заинтересованы в том, чтобы преодолеть дуализм, подчеркивая связи, а не оппозиции. Первые уделяют особое внимание культурному плюрализму и взаимосвязям потенциала критики с историей культурной гегемонии. Последние отвергают современный канон саморефлексии субъекта как единственный источник установки на критику.

Конечно, внимание к критической возможности мыслить новое, сопротивляться и не соглашаться, это не прерогатива исключительно западной мысли. На волне постколониальной чувствительности и подъема исследований «Глобального Юга», социологи и историки начали заново открывать замалчиваемую историю критической агентности, не соответствующую путям современной Европы, показывающей иные данные о сопротивлении господству, угнетению, стремлению к открытиям. Есть опыт критической агентности, который не укладывается в стандарт западных трудящихся классов, и который по этой причине не замечен западной традицией критических исследований [Prakash, 1999]. В целом этот подход подчеркивает, как знание и само-знание, необходимые для производства

критики, не исключительное приобретение западного субъекта, и как общие истории критических агентств могут повысить их ресурс воображения [Бхамбра, 2015].

Эта позиция также основана на отказе от гегелевской подачи истории освобождения как диалектической реализации последнего *снятия* (*Aufhebung*) в лице современного Запада. В этом плане критическое агентство предстает не телеологией, не обязательно диалектикой, а скорее основанием отношений и связей культур и взаимных интерпретаций пережитого. Здесь новизна, из которой можно выводить критическую агентность, связана с возможностью узнать что-то ранее неизвестное, соединить культурные традиции, разработать саморефлексию сравнений, другие идеи хорошей жизни. Конечно, это также подход к критике как обличению прошлых и нынешних отношений гегемонии, «эпистемного насилия» – по словам Гаятри Спивак [1988] – вездесущего нарратива модерна, в то время, как критика это теоретический инструмент прокладки пути для равных условий знания друг друга.

Однако если постколониальная чувствительность еще сохраняет теоретические связи с критической мыслью модерна, разрыв с этим наследием, разрабатываемый в пост-антропоцентричных подходах, более радикален. Здесь цель – не только отделить критическую агентность от оппозиции субъект/объект, отводя объектам – то есть не-людям – равноценную важность, но и вообразить критику как переменную, сочетание факторов, результат обстоятельств, где люди – акторы среди других (объектов). Отказ от идеи критики как интенциональности и саморефлексии человека-субъекта, предпочтение понятию спора альтернатив построения реальности вместо идеи конфликта альтернативных режимов истины, могут считаться базовыми элементами этого подхода.

То, что еще называют «онтологическим поворотом», имеет тенденцию к отказу от идеи критики как способности индивида ставить под вопрос реальность через установку на саморефлексию, интеллектуальную требовательность и скептическое сомнение. В рамках этого подхода позиции в вопросе о роли субъекта различны. Но в целом критическая агентность отрывается от негативизма и подозрительности, в рамках которых критику могут развивать лишь «критические субъекты», не некие некритические, мистические субъектности. Цель этого – уйти от дихотомии критика/некритика как от установки, имплицитно воспроизводящей нормативное суждение против чего-то (кого-то), постоянного поиска того, что «за этим стоит» [Felski, 2015]. Тем не менее среди этих самых анти-антропоцентристских позиций есть еще более открытое отрицание агентства – то есть и агентства критического – как исключительно продукта интенциональности человека, в то время как производство «критических эффектов» – в смысле и антагонизма и инновации – считается процессом, который может включать нелюдские единицы (*non-human entities*) [Dolohijn, van den Tuin, 2012; Latour, 2004].

Отрицание традиций Декарта, Канта и Гегеля – традиций в пользу «нового материализма», объемлющего материю, объект и средства как акторов перемен, влечет за собой идею «критического», основанного на нестабильности ситуации, сложности связей, которые её образуют, более радикального, чем в прагматизме [Barad, 2003; Latour, 2004]. В такой теоретической перспективе в итоге идет речь о том, как работает критика, а не о том, кто критикует, что критикуется, почему есть критика. «Критическое» критической агентности не строится более на суждении саморефлексирующего субъекта, а на непредсказуемости событий, на том, как субъекты и объекты реагируют на них. Парадоксально, но этим, кажется, подчеркнуто, что критическая агентность может производиться скорее посредством учета пределов возможностей человека, а не доверия к его автономии [Thompson, Žižek, 2013].

В социальной среде, все более колонизируемой дигитальными инструментами и техно-научными новациями, теоретические рамки, порожденные антиантропоцентристским и онтологическим поворотом, внесли в наши дебаты провокативные прозрения. Конечно, идея, что такой подход (перспектива) может представлять собой новый горизонт критической теории, крайне спорна. Отказ от понятий конфликта и человека кажется уж

слишком сильно соответствует современным деполитизированным неолиберальным методам правления и их инструментальному использованию новых возможностей техники. Такое (не обязательно человеческое) агентское существо, к которому подходят как к самоорганизованной связи действий, происходящих в текущих условиях непредсказуемости, кажется, ведет к понятию агентства, лишённого власти, силы, к невозможности любого вида критической отстраненности или оценки властных отношений [Žižek, 2004]. Тем не менее возможности практиковать и производить «новое» – тоже важный компонент теоретических рамок. И это, вероятно, объясняет её нынешнюю валидность в социальных науках, – помимо явного интереса к изучению культурных и материальных трансформаций, порожденных техно-наукой.

Среди разных мнений о парадигме, основанной на постгуманизме, антиантропоцентризме, онтологии и материализме, именно понятие *становления* (becoming), вероятно, выражает наиболее открытую установку на обновление современного понятия критики [Bradotti, 2013]. Не случайно такие радикалы-ученые, как Альтюссер, Балибар, Негри, искали у Спинозы и в его идее становления некий антидиалектический, но все же марксистский путь к критике – за пределами современной идеи негативного. В мысли самого спинозовского французского ученого Ж. Делёза этот поиск также выраженно связан с ролью воображения и креативности. Следуя Спинозе, Делёз [1988 (1981), 1990 (1968)] выступил за антиантропоцентричное видение отношений между людьми-субъектами и их окружением, где знание взаимоположено опыту. Здесь налицо намеренная цель автономии индивида, отделенного от материального опыта конкретного контекста. Критика – это не вопрос отрицания и отказа, скорее это со-творческий фактор изнутри ситуации. Она не имеет ничего общего с интроспективной саморефлексией и свободой выбора как целями современного субъекта. Больше чем борьба с враждебной реальностью и процесс глобального разоблачения, критика и освобождение мыслятся как труд «понимания», клинического диагноза и локального вмешательства

В этом плане если искупление от господства возможно, то путем «становления чего-то иного», не через сопротивление и отрицание того, «что есть». Любая возможная критика не может проистекать из изолированной интенциональности автономного субъекта, так как индивиды всегда взаимосвязаны, гетеро-направляемы другими индивидами и их материальным контекстом жизни. Также в этом контексте возможная критическая агентность может появиться только как встреча с непредсказуемостью окружения в состоянии непрерывного становления.

Возобновление Делёзом исследований «нового материализма», кажется, направлено к необходимости понять, что осталось от наших способностей критической агентности в обществах, где господствует симбиоз субъектов и объектов, как устройств технологий и потребления. В контексте, где экономические стандарты кажутся трудно изменяемыми структурно, мысль трансформирования пассивности в активность воображением и путем понимания и вовлечения человека в окружающую его среду, избегая любого возможного фронтального антагонизма, созвучна обществу, где больше нет центрального конфликта, объединяющего зависимых, угнетаемых акторов. Фокус внимания всегда возвращается к опыту, к настоящему, к трансформации, которую акторы способны произвести здесь и сейчас.

Заключение. Критика была центральным понятием современной философии так же, как критическая агентность для наук социальных. Теоретические дебаты о критике показали её неуловимый, амбивалентный характер, а эмпирические исследования социальных движений и конфликта в повседневной жизни постиндустриальных обществ высветили растущий разброс практик, сложных смыслов того, что можно определить как формы критической агентности.

Современная критика развивалась с Просвещением, диалектикой Гегеля и марксизмом. Центром были идеи прерывности, подрыва и разрыва с интерпретациями реальности и истины. Она основывалась на цели автономии самоосвобождения с горизонтом в виде предполагаемых «хороших обществ». Сегодня сложность знания, нужного для упрочения

универсалистских форм критики, и цель современных утопий с их амбициями по поводу тотальности раскрывает важность базовых, контингентных и ситуативных критических агентств, укорененных в тактиках настоящего и требующих привыкания к быстрым переменам, не к долгосрочным проектам. Также смазан дуализм между тем, что есть «критика» и что – «не-критика», освобождение или контроль [Rebughini, 2015]. В секулярном модерне мы узнали, что существует не некое «что-то там», трансцендентное от общества. Мы сейчас столкнулись с идеей, что нет никакого «чего-то там», что позволит критике провозгласить свой обет освобождения. Дистопии² стали много популярней утопий.

Социально-экономические и материальные преобразования последних десятилетий породили сомнения в том, что значит быть критическим агентом, как и исследования новых подходов к критике, таких, что генерированы встречей разных культур или исторических путей, развитием технических наук с соответствующими последствиями для отношений между людьми. В целом, критика современных критических подходов фокусируется в основном на ошибочности их разоблачающих целей, на их «схоластическом разуме» – как это формулировал Бурдьё [1990] в отношении Франкфуртской школы, – не необходимости преодолевать старый дуализм объективизм/субъективизм, на исследовании полей, где «критические ресурсы» могут быть конкретизированы и подтверждены [Boltanski, 2011].

Но во времена, сосредоточенные на настоящем, характеризующиеся тем, что Беньямин называл «ностальгией по будущему», позиция, с которой расширение горизонта и взгляд за его пределы, всё-таки представляются необходимыми для критической агентности, как и сопротивление, саморефлексивная установка, коренящиеся в более контекстуальных действиях. Оба взаимодополняющих элемента критики: способность к отрицанию и креативное воображение, – нуждаются в том, чтобы их мыслили и исполняли вместе, – поскольку критика как отрицание ослаблена совершенствованием механизмов самоуправления, а критике как творчеству постоянно грозят неразборчивые подходы механизмов экономических. Это означает учет условий современного исторического контекста и продвижение за пределы стремления к всеобъемлющей идее критики, к фундаментальному событию и универсальному субъекту истории, который его может реализовать. Разрозненная, текучая и контекстуальная природа современных форм протеста и критической агентности не мешают пересборке и общности смыслов. Но больше нет общего понимания того, что стоит за термином «критика».

Конечно, признать, что критическая агентность стала контингентной и ситуативной, не значит, что она больше не нужна, аннулирована, более не способна производить перемены. Ставка сделана на возможность переосмысления отношения субъекта с социальным и материальным окружающим миром, который и образует контекст нынешней критической агентности. Способность производить критику, воображая «новое», отрицая «данное» и преодолевая соответствующие ограничения, проистекает из опыта повседневной жизни и актуализации этических ориентаций в конкретных контекстах, связанных с меняющимися формами господства. Эта работа воображения и актуализации есть социальная практика, необходимая всем формам критической агентности как коллективному предприятию устремлений и возможностей, данных знанием. Это также подсказывает, что критика может возникать из сотворения альтернатив, генерируемых внутренними непредсказуемыми трансформациями больше, чем противоречиями контекста. К связи кризиса с критикой мы можем добавить элемент *kairos*³, эту неустойчивую открытость и неполноту критических агентств с их хрупким выбором того верного момента, где могут встретиться сопротивление и креативность, разоблачение и искупление.

² Антиутопии. Жанр в литературе, когда в гротескной форме изображается будущее состояние государства, в котором возобладали негативные процессы развития. – Прим. ред.

³ Благоприятный момент (др.-греч.). – Прим. перев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Arendt H. (1958) *The Human Condition*. Chicago: Chicago University Press.
- Arendt H. (1978) *The Life of Mind*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Balibar E. (2011) *Citoyen sujet et autres essais d'anthropologie philosophique*. Paris: PUF.
- Barad K. (2003) Post-humanist Performativity: Towards an Understanding of How Matters Comes to Matter. *Signs. Journal of Women in Culture and Society*. No. 28: 801–831.
- Benjamin W. (1968) *Illuminations: Essays and Reflections*. New York: Schocken Books.
- Bernstein R.J. (2010) *The Pragmatic Turn*. Cambridge: Polity.
- Bhambra G.K. (2015) *Connected Sociologies*. London: Bloomsbury.
- Bloch E. (1995 [1938–1947]) *The Principle of Hope*, 3 vols. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Boltanski L. (2011) *On Critique: A Sociology of Emancipation*. Cambridge: Polity Press.
- Boltanski L., Chiapello E. (2005 [1999]) *The New Spirit of Capitalism*. London: Verso.
- Buck-Morss S. (2002) *Dreamworld and Catastrophe: The Passing of Mass Utopia in the East and the West*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Castoriadis C. (1986 [1978]) *Crossroads in the Labyrinth*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Castoriadis C. (1987 [1975]) *The Imaginary Institution of Society*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Deleuze G. (1988 [1981]) *Spinoza: Practical Philosophy*. San Francisco: City Lights Books.
- Deleuze G. (1990 [1968]) *Expressionism in Philosophy: Spinoza*. New York: Zone Books.
- Descombes V. (2004) *Le Complement de sujet. Enquete sur le fait d'agir de soi-meme*. Paris: Gallimard.
- Dewey J. (1973 [1922]) The Development of American Pragmatism. In: McDermott J.J. (ed.) *The Philosophy of John Dewey*. Vol. 1: The Structure of Experience. New York: Putnam Publishing: 41–58.
- Dolohijn R., van der Tuin I. (2012) *New Materialism: Interviews and Cartographies*. Ann Arbor: University of Michigan; Open Humanities Press.
- Durkheim E. (1983 [1955]) *Pragmatism and Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Felski R. (2015) *The Limits of Critique*. Chicago: University of Chicago Press.
- Foucault M. (1982) The Subject and Power. *Critical Inquiry*. No. 8(1): 777–795.
- Foucault M. (1994) *Dits et ecrits*. I. 1954–1975. Paris: Gallimard.
- Foucault M. (1997a) What is Critique? In: Lotringer S (ed.) *The Politics of Truth*. New York: Semiotext(e): 23–82.
- Foucault M. (1997b) What is Enlightenment? In: Lotringer S (ed.) *The Politics of Truth*. New York: Semiotext(e): 101–134.
- Foucault M. (2005) *The Hermeneutics of the Subject: Lectures at the College de France 1981–1982*. New York: Picador.
- Habermas J. (1984) *The Theory of Communicative Action*. Vol. I: Reason and the Rationalisation of Society. Cambridge, MA: MIT Press.
- Habermas J. (1986) *Autonomy and Solidarity: Interviews*. New York: Verso.
- Habermas J. (1988) *The Theory of Communicative Action*. Vol. II: Lifeworld and System. Cambridge, MA: MIT Press.
- Habermas J. (2001) *The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Holmwood J. (2011) Pragmatism and the Prospects of Sociological Theory. *Journal of Classical Sociology*. 11(1): 15–30.
- Honneth A. (2006) *Reification: A New Look at an Old Idea*. Oxford: Oxford University Press.
- Jay M. (1973) *Dialectical Imagination: A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research, 1923–1950*. Berkeley: University of California Press.
- Joas H. (1994) *Pragmatism and Social Theory*. Chicago: University of Chicago Press.
- Kilminster R. (2013) Critique and Overcritique in Sociology. *Human Figurations*. No. 2(2): 1–11.
- Koselleck R. (1988 [1959]) *Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Latour B. (2004) Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact, to Matters of Concern. *Critical Inquiry*. No. 30: 225–248.
- Mannheim K. (1954 [1929]) *Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge*. New York: Harcourt Brace.
- Marcuse H. (1964) *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Industrial Advanced Societies*. New York: Beacon Press.
- Marx K. (1978 [1843]) Letter to Arnold Ruge. In: Tucker RC (ed.) *Marx-Engels Reader*. New York: Norton.
- Melucci A. (1996) *Challenging Codes*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mills C.W. (1966) *Sociology and Pragmatism: The Higher Learning in America*. New York: Oxford University Press.
- Mouffe C. (2005) *On the Political*. New York: Routledge.
- Prakash G. (1999) *Another Reason: Science and the Imagination in Modern India*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

- Rebughini P. (2015) Framing Emancipations. *Journal of Classical Sociology*. No. 15(3): 270–285.
- Rorty R. (1967) *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method*. Chicago: University of Chicago Press.
- Rorty R. (1979) *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Sartre J.P. (1972 [1940]) *The Psychology of the Imagination*. New York: Citadel Press.
- Spivak G.C. (1988) Can Subaltern Speak? In: Nelson C., Grossberg L. (eds) *Marxism and the Interpretation of Culture*. London: Macmillan.
- Thompson P., Žižek S. (eds) (2013) *The Privatization of Hope: Ernst Bloch and the Future of Utopia*. Durham, NC: Duke University Press.
- Touraine A. (1993) *Critique of Modernity*. Oxford: Blackwell.
- West C. (1989) *The American Evasion of Philosophy: A Genealogy of Pragmatism*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Young-Bruhel E. (1982) *Hannah Arendt: For Love of the World*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Žižek S. (1993) *Tarrying with the Negative: Kant, Hegel, and the Critique of Ideology*. Durham, NC: Duke University Press.
- Žižek S. (2004) *Organs without Bodies: On Deleuze and Consequences*. New York: Routledge.

Перевод с английского Н.В. РОМАНОВСКОГО